

Следующий день начался поздно, в конце концов, когда ложишься в лучшем случае в три ночи, вставать в шесть тяжело... ну, будем честны, хотя бы с самой собой, я банально проспала. Итог прост, я встала уже ближе к десяти часам утра, даже удивительно, что меня не стала будить Кушина-сан. Впрочем, ответ был найден быстро, Узумаки-хеме сама только встала. Я бы поразилась этому, но являясь ирьенином я прослушала лекции по акушерству, а после и сама поискала нужную информацию. В общем, удивляться тому, что беременная женщина проспала не стоит. Кушина-сан (да и не только она) быстро устает, все же срок уже большой, и постоянно хочет спать. Иногда это очень опасно (особенно во время тренировок) и выливается в разные казусы, хорошо хоть не смертельные. Ну, вот как сейчас, мы обе просто решили забить на сегодняшние тренировки, все равно до моего дежурства много не успеем и ограничились обычной разминкой, а после мы отправились на поздний завтрак почти обед. Мыть посуду после него выпала честь мне, а после я планировала отправиться в Резиденцию Хокаге. Я должна поговорить с Минато-сэнсэем.

— Какаши, иди сюда! — послышался восторженный голос Кушины-сан откуда-то из коридора.

— Сейчас! — вытираю последнюю вымытую тарелку полотенцем и убираю ее на место, только после этого отправляюсь на зов.

— Смотри, какая красота! — мне показывают небольшую корзиночку с цветами азалии, акации и анемонов* в обрамлении сочных зеленых листьев. Несмотря на необычное сочетание цветов, смотрятся они гармонично и правильно, а их значение выбивает дух. Сразу видно, что составлял опытный флорист и на заказ. Иными словами этот кто-то Яманако, что несколько упрощает и усложняет возможность выяснить кто даритель. — Это еще не все! — во второй руке у Кушины-сан корзинка побольше, а в ней красивые пирожные в форме корзиночек, украшенных сверху цветками гардении**. Причем, по большей части цветки были белыми или нежно-розовыми, никаких алых или желтых, только нежные и теплые оттенки, символизирующие искренние чувства. Явно сделано на заказ и свежее, учитывая общую дороговизну сладостей и не слишком большое количество кондитеров, подарок дорогой. — Ну, как?

— Кушина-сан, даже если вы красивейшая из женщин в Конохе, сэнсэй будет недоволен, —

невозмутимо замечаю я. — Лучше о вашем поклоннике скажите ему сразу, он убьет его быстро.

— Это не мне! — если первая часть фразы вызывала у нее улыбку, вторая заставила нахмуриться и впихнуть мне в руки корзинку с цветами. — Там открытка, она не подписана.

— Да? — удивленно приподнимаю бровь, а после обращаю внимание на белый уголок и осторожно вытягиваю небольшой прямоугольничек послания.

«Избегающий любви

Не дает согреться своему

простуженному сердцу.»

— Ну, что там? — нетерпеливо уточняет у меня Кушина-сан, пока я растерянно хлопаю глазами, прочитав странное хокку.

— Хокку, — честно отвечаю я, упираясь взглядом в правый нижний уголок открытки... небольшой красно-белый веер радует глаз. — Черт!

— Что случилось? — тут же забеспокоилась Узумаки-химе.

— Вот, — поворачиваю послание так, чтобы и она могла прочитать.

— Ты впечатлила кого-то из Главной Ветви Учиха, — тут же констатировала Кушина-сан. — Мда... не повезло.

— Вы просто не представляете как! — бросаю в сердцах.

— Так-так, а вот с этого места по подробнее, — меня подцепляют под локоток и тащат в сторону кухни. Обреченно вздыхаю, не хочу делиться с Кушиной-сан своими соображениями, но придется.

— Я вчера на праздновании заметила чей-то пристальный взгляд... — слышу красноречивое фырканье и недовольно поджимаю губы, — не охранников. Я вычислила примерно кто смотрел и там были дети! Лет десяти-двенадцати максимум! — тыкаю пальцем в поставленные на стол корзинки и добавляю. — И вы хотите, чтобы я радовалась этому!

— Как все сложно... — цокает языком Кушина-сан и со всего маху ставит передо мной чашку с чаем, который только чудом не выплескивается на стол. — Впрочем, разница в возрасте не велика, парни физически взрослеют быстрее...

— Кушина-сан! — возмущенно вспыхиваю.

— Какаши, прекрати вести себя, как ребенок, ты химе, — голос спокойный, без привычных ноток веселья. — Тебе придется выбрать себе мужа, в ближайшие три, максимум пять лет. Он должен быть с сильной кровью и принести в твой Клан стабильность. Учиха в этом плане лучший вариант, они достаточно справедливы и договориться с ними будет проще, чем с Хьюга. Да и их геном не войдет с твоим в конфликт. Переговоры можешь оставить мне с Минато.

— Кушина-сан! — в очередной раз возмущаюсь.

— Никто тебя не заставляет говорить свое окончательное слово сейчас, — Узумаки-хеме кидает задумчивый взгляд на цветы и вновь возвращает взгляд ко мне. — Однако Учиха упорны и имеют много возможностей. Лучше рассматривать сразу все варианты.

— Все равно не хочу! — понимаю, что веду себя как ребенок и Кушина-сан права, но... это реально неприятно! Я может любви хочу... обреченно вздыхаю и хватаю пирожное, горе надо заесть. Мням... вкусно, хотя и необычно, тут явно не привычные мне ингредиенты использованы. Кстати, надо будет подумать на досуге, может податься в кондитеры? А что? Конкуренция мизерная, а то, что готовлю не очень... мне это и не надо, просто найти молодого увлеченного гражданского и направить на путь истинный. Он работает, я даю идеи и первоначальный капитал, а там пусть сам крутится.

— Какаши, так или иначе, я постараюсь узнать, кто их прислал, — кивок на пирожное в моей руке. Настроение пропадает сразу же.

— Нечего узнавать, за домом наблюдают АНБУ, свистните и они все выложат, — недовольно замечаю я, откусывая очередной кусочек, но не испытывая никакого наслаждения от их вкуса.

— Хорошая идея! — мне мгновенно плохее, стоит увидеть, как загорелись глаза у Кушины-сан.

— Кушина-сан, я тут вспомнила, что мне надо пораньше в госпиталь, — тут же сообщаю я, пропихивая остатки пирожного и запивая их богатырским глотком. Радует уже то, что чай оказался не так уж горяч и я смогла его проглотить.

— Ну, иди, только цветы прихвати с собой, — милостиво отпускают меня и с облегчением сбегаю с кухни, пусть и с неудобным веником, который практически не пахнет, хоть какой-то плюс. Особенно если учитывать резко усилившееся обоняние.

Впрочем, долго сетовать на судьбу и надеяться, что букетик исчезнет из моей жизни я не стала, просто оставила его у себя в комнате, а сама надела повседневную одежду и сбежала через окно. Я просто обязана поговорить с Минато-сэнсэем, теперь не только ради сохранения их жизни, но и для своей собственной безопасности, а то не хочется проснуться и узнать, что я уже сосватана непонятно кому и когда. Только вот выбравшись из дома, надо делать вид, что все хорошо и я не сбегаю, а просто сильно куда-то тороплюсь. Ками-сама, а день так хорошо начинался!

— Йо, Какаши! — в приемной Хокаге меня встретил Аоба.

— Добрый день, — приветливо киваю и кидаю тоскливый взгляд на двери. — Минато-сэнсэй свободен?

— У него сейчас никого нет, — хмыкает в ответ Аоба. — Все отсыпаятся после вчерашнего, а то ты не знаешь!

— Мы не стали задерживаться, как Кушина-сан устала, ушли, — пожимаю плечами, говоря чистую правду.

— Вам повезло, говорят они до рассвета праздновали, — весело фыркнул парень. — Кстати, как они второго наследника назвали?

— Саске, — улыбаюсь, вспоминая забавного черноглазого малыша, который еще находясь в

колыбели демонстрировал свой непримиримый учиханутый нрав. — Как то-сама Сандайме.

— О, хорошее имя, — согласно кивает Аоба и кивает мне на двери. — Не буду больше задерживать, но потом с тебя рассказ обо всем.

— Я тебе лучше клона оставлю, а то после мне на дежурство бежать, — предлагаю альтернативный вариант, ибо не слишком уверена в своих силах продолжать беседу. В конце концов. Я буду говорить с Минато-сэнсэем о серьезных вещах и это изматывает почище самой изуверской тренировки с Кушиной-сан. Наставник не зря носит шапку Хокаге, он умеет смотреть и видеть, слушать и слышать, приказывать так, чтобы и сомнений не возникало в его праве это делать. Устрашающая харизма.

— Давай, — согласился со мною Аоба, а я, оставив клона, аккуратно постучалась в двери и, получив разрешение, вошла.

— О, рад тебя видеть, Какаши, — из стопок разнообразных листов появилась растрепанная блондинистая макушка.

— Вы не меня рады видеть, а рады возможности отложить работу, — улыбаюсь краешком губ, смотря, как сэнсэй с радостью поднимается и отходит от завалов документов. Знакомая картина и вызывает целую кучу новых воспоминаний, Минато-сэнсэй, как раз тогда стал Хокаге. — Неужели полдня отдыха настолько вас загрузили?

— Ага, — безрадостно согласился он и с интересом посмотрел на меня. Мгновенно начинаю ощущать себя неуверенно, но отступить больше некуда. Я и так тянула с этим до последнего.

— Минато-сэнсэй, я вообще-то зашла обговорить одну мысль, возникшую у меня, —

старательно взвешивая слова, сообщаю я, делая условный знак, что требуется защита от прослушки. Сэнсэй в ту же секунду становится серьезным, а спустя пару мгновений нас накрывает барьер.

— Что случилось, Какаши? — требовательный голос и взволнованный взгляд.

— Еще нет, но может, — честно отзываюсь я. — Это будет касаться безопасности Кушины-сан.

— Говори, — коротко и по существу, сразу становится понятно, что меня готовы послушать. Интересно, поможет это или нет?

— Я недавно была на могиле Обито, сэнсэй, — отвожу взгляд видя укоризну и грусть в чужих глазах. Впрочем, быстро беру себя в руки и вновь вскидываю на него взгляд. Я обязана его предупредить! — Не надо так на меня смотреть, сэнсэй! Да, я хожу к ним на могилы, пусть теперь и провожу там не все свободное время.

— Извини, продолжай, — он мягко улыбается, явно не желая со мной скандалить. Правильно в общем-то, общение с Кушиной-сан и житие-бытие под одной крышей не прошло для меня бесследно.

— Это может показаться странным, но я внезапно вспомнила, как... — запинаюсь и прикасаюсь к повязке. Пара секунд молчания, но после я взяла себя в руки, — как получила этот глаз.

— Какаши... — мягко начал сэнсэй.

— Дослушайте, сэнсэй! — слегка повышаю голос, хотя и понимаю, что не имею на это право и прошлая Какаши никогда бы так не сделала. Это же подтверждает и ошарашенный взгляд сэнсэя. — Я вспомнила не только момент потери, но и момент, когда к нам присоединились вы.

— И что? — немного недоуменно посмотрел на меня Минато-сэнсэй.

— Сэнсэй, мы после выполнения миссии пришли туда и пытались поднять тело Обито, мы его не нашли, — спокойно замечаю я.

— Прошло уже много вре... — начал возражать наставник.

— Прошло меньше суток! — отрезаю я и довольно эмоционально продолжаю. — Да, времени было в обрез и за нами шли иваны, но два человека с Дотоном не смогли найти ничего кроме треснувших очков! Вам не показалось это странным?

— Что ты имеешь в виду? — секундная растерянность прошла, сэнсэй стал быстро обрабатывать полученную информацию и заданные вопросы.

— Я хочу сказать, что мы не могли найти совсем ничего, если только его тело уже забрали, — резко успокаиваюсь, говоря эти слова тихо и спокойно. — Его глаз могли забрать.

— Какаши, даже если так, я не понимаю... — покачал головой Минато-сэнсэй и не удивительно, у него нет тех знаний, что и у меня.

— Когда я... — очередная заминка, слова не хотят покидать горло, но я пересиливаю себя, — когда я убила Рин, я ощутила рядом носителя второго глаза, сэнсэй, — ловлю его хмурый взгляд и облизываю пересохшие губы. Следующие слова даются еще тяжелее, но я продолжаю. — Мангекё пробуждается если на глазах погибает тот, кого любишь, иными словами близкий человек, но только при наличии обоих глаз поблизости и если чувства сильны. Вы сами мне это говорили.

— Говорил, — напряженно кивает Минато-сэнсэй, весь его вид кричит о напряжении. Он уже сделал выводы и они ему не нравятся, зато теперь я могу его добить, пусть изначально планировала немного другое. Импровизация, именно она самое страшное.

— Минато-сэнсэй, я боюсь, что... — голос отказывается повиноваться, последние слова вырываются едва слышно, — ...Обито жив и он враг, — слова сказаны, я сама ужасаюсь тому, что сказала и начинаю надрывно кашлять. Кажется, тело наказывает меня за слова, которые не понравились бы его прошлой владелице.

— Выпей, — мне в руки втискивают стакан с водой, которую я с трудом подношу ко рту. Руки ходят ходуном и половина проливается на меня. Я абсолютно не запоминаю, как оказалась на небольшом диванчике в углу кабинета, а меня осторожно взял за руки сидящий на корточках сэнсэй. — А теперь поясни свои мысли.

— Хорошо, — глубокий вздох, горло саданит, а голос слишком хриплый. — Минато-сэнсэй, эта мысль пришла ко мне только что, но, пожалуйста, послушайте, — в ответ на свой взгляд получаю решительный кивок, поэтому продолжаю. — Вначале я думала, что кто-то украл тело и воспользовался им в своих целях, но это глупо и не всегда эффективно, совместимость геномов встречается не то, чтобы редко, но не так часто, как многим Кланам хотелось бы. Даже я, получив шаринган, как подарок и после проверив приживание у Цунаде-химе могу пользоваться лишь малой частью сил.

— Продолжай, — стоило мне на секунду замолкнуть, как сэнсэй поторопил меня.

— Рин была сиротой, в деревне она общалась ровно со всеми и только с нами немного теплее, — продолжаю развивать мысль. — Чтобы развить Мангекё надо потерять на своих глазах друга и иметь в наличии оба глаза, сэнсэй. Вряд ли иванин бы испытывал такое к куноичи Листа, да и оказался так близко к границе с Кири.

— И? — уточнение, которое уже не требовалось.

— Обито любил Рин, — произношу это тихо и отвожу взгляд. — Любил настолько, что готов был ради нее на все, даже отказаться от мечты стать Хокаге. Это не хвастовство, это факт, сэнсэй. Учиха однолюбы, и Обито выбрал Рин.

— Почему он не вернулся? — обычно теплые голубые глаза превратились в льдинки. Страшно.

— Я могу только предполагать, но велика вероятность, что ему предложили альтернативный вариант, — еще тише отзываюсь я. — Хотя я до сих пор не уверена, почему он не убил меня тогда, если все видел. Видел, как я убила Рин и потеряла сознание. Я бы тогда не смогла сопротивляться, да и не хотела, — глубокий вздох, я прочищаю горло, чтобы озвучить следующую гипотезу. Страшную, но от этого не менее верную. — Он мог возненавидеть меня, да даже вас, сэнсэй. Я уничтожила самое ценное, что у него было — его будущее с Рин. Вы оказались слишком медленным, чтобы этого не допустить. Он нас ненавидит, и он будет мстить.

— Обито бы так никогда не сделал, — голос тверд, но в чужих глазах море сомнения. Он может считать мои слова бредом, но не может не признать их логичность.

— Он — Учиха, потеряв свою любовь, они сходят с ума, — зябко веду плечами. — Можете спросить это у Фугаку-сана, он подтвердит.

— Спрошу, обязательно, — серьезно кивает Минато-сэнсэй.

— Сэнсэй, я бы хотела предложить свою помощь в защите Кушины-сан во время родов, — тихо прошу, уже зная ответ.

— Нет, безопасность обеспечат приближенные АНБУ Сандайме, — категоричный отказ. Ожидаемо, слишком много странностей во мне, сэнсэй не мог их не заметить, все же он был одним из немногих по-настоящему близких людей у Какаши.

— Я не об охране, — качаю головой. — Я о разработке защиты от Камуи. Если врагом будет Обито, это пригодится.

— Ты права, — пара секунд молчания, во время которых сэнсэй обрабатывает мой запрос, а после мне коротко кивает, и он поднимается с корточек. Мне требовательно протягивают руку. — Идем.

Молча берусь за протянутую конечность и начинаю вставать. И не зря. Короткий миг дезориентации и я едва могу устоять на ногах, а по чувствительным глазам бьет вспышка света, какое-то время ничего не вижу, но постепенно зрение восстанавливается. Первым делом осматриваюсь по сторонам и понимаю что это место мне незнакомо, зато само смотрится, как место работы безумного ученого. Только не говорите мне, что я попала в святая святых дома сэнсэя! Это его рабочая площадка.

— Какаши, сейчас ты расскажешь все о своем додзюцу, — долго оглядываться по сторонам мне не дали, тут же привлекая внимание. — Я запишу это, потом мы пройдем на полигон, и ты продемонстрируешь свои возможности.

— Хай! — согласно киваю, приготавливаясь к шквалу вопросов и он тут же последовал. Хорошо. Он отнесся к предупреждению внимательно, пусть это и не мешает ему опросить всех, кто под руку подвернется. Мне уже жалко Учиха и Фугаку-сана в частности, ведь сэнсэй любит устраивать мозговynos, а тут еще такой повод.

Продолжение следует...

Примечания:

* - Азалия — символ женственности, хрупкости, кротости, сдержанности, преданности; но в то же время — страсти и печали. Азалию принято дарить перед нежеланной разлукой. преподнося азалию, вы как бы говорите: «Я надеюсь, ты дождешься меня», «Береги себя для меня», «Я верю тебе!». Когда мужчина дарит этот цветок, он признается, что вы для него — единственная и неповторимая.

Акация (распустившаяся) — скрытая любовь.

Анемон означает искренность, прямоту.

** - Гардения — тайная любовь, "Ты прекрасна!"

<http://tl.rulate.ru/book/55470/1413905>